Членский билет № 1 Союза советских писателей СССР. Хранится в Архиве А. М. Горького в Москве.

РЯДОМ С ДРУГОМ И УЧИТЕЛЕМ

«В письмах ко мне Алексей Максимович касался многих тем, отвечая на мои вопросы, возражая мне, иногда вступая в обстоятельный спор, переходящий из одного письма в другое... Но главной темой переписки всегда была литература. О писателе, его труде, его произведении Алексей Максимович писал с любовью и великой страстью. Его письма жгут, как огонь: прикосновение к ним захватывает дыхание. Он считал дело литературы священным и сумел внушить такое отношение к ней младшим писателям, которые имели счастье общаться с ним, своим ученикам и друзьям».

К. ФЕДИН.

«Горький о труде писателя».

На снимке: А. М. Горький и К. А. Федин в Горках, август 1934 г.

«В дни съезда на мою долю выпало счастье быть в гостях у Горького на его даче под Москвой. Там я особенно близко видел горьковское лицо, его живые лучистые глаза, гулял с ним по саду. Впечатление, которое он на меня произвел, останется неизгладимым на всю жизнь.

Какой это был простой, обаятельный, деятельный и жизнелюбивый человек!

В тот вечер Горький был весел, принимал живое участие в беседе, шутил с молодыми писателями.

Еще раз мне довелось видеться с Горьким в сентябре 1934 года после съезда на банкете, данном постоянным представительством Таджикистана. Когда группа таджикских студентов московских театральных вузов выступила с пением национальных песен и исполнила пляски, Горький, радостно взволнованный, горячо приветствовал и поздравлял молодых работников национального искусства. В конце своей речи он поднял вверх правую руку, воскликнул:

— Вот таковы советская жизнь и воспитание!

И чувствовалось, как радовался Горький, как дороги были ему достижения всех наций Советского Союза».

Садриддин АЙНИ.

«Мудрый учитель».

На снимке: писатели национальных республик в гостях у А. М. Горького на даче в Горках в августе 1934 г. Рядом с Горьким (справа) Садриддин Айни. Редкий снимок.

М. Кольцов, М. Горький, Д. Бедный на пленуме правления Союза писателей СССР. 1935 г.

ЛУЧШАЯ РАДОСТЬ НА ЗЕМЛЕ — БЫТЬ БЛИЗКИМ СВОЕМУ НАРОДУ

В. НОВИКОВ

ТВОРЧЕСТВО ГОРЬКОГО ВОПЛОТИЛО В СЕБЕ ВЫСШИЕ ПРИНЦИПЫ ИСКУССТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА — НАРОДНОСТЬ, КЛАССОВОСТЬ, ПАРТИЙНОСТЬ. УСПЕХИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ ВЕРНОСТЬЮ ЭТИМ ПРИНЦИПАМ, ТЕСНЕЙШЕЙ СВЯЗЬЮ С СОЗИДАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НАРОДА И ПАРТИИ.

В ОДНОМ из писем Горького читаем: «Знайте, что быть писателем в наши дни — великое счастье, ибо — Вас будет читать народ! Я хотел бы, чтоб Вы почувствовали лучшую радость на земле для поэта — радость быть близким народу своему».

У Горького было четкое и ясное представление об общественной роли искусства. Это представление менялось, развивалось, уточнялось вместе с коренными изменениями в жизни, свидетелем которых был писатель. Но в основе его лежало понимание новой связи искусства с революционной действительностью, с народом, осознающим свою созидательную роль в истории. И к каким бы сложнейшим вопросам творчества Горький ни обращался,— его мысль, как стрелки компаса, в конечном счете была направлена к народности как источнику и высшей цели искусства. В вопросах эстетики Горький выразил представление об общественной роли искусства, свойственное новому, революционному классу, сыном которого он был и служение которому он считал высшим своим долгом.

Проблему народности искусства Горький решал во всей диалектической сложности. Он видел зависимость творчества писателя от опыта народа, и прежде всего рабочего класса. Этот опыт он понимал широко — и как материал произведения, и как основу общественного сознания, и как источник художественных, эстетических взглядов, находящих свою форму проявления в искусстве. Горький решительно опровергал индивидуалистические концепции буржуазных эстетов, считающих искусство уделом избранной элиты. Горький утверждал решающую роль народа не только в истории, но и в создании духовной культуры. Это ему принадлежат пламенные слова, звучащие как своего рода гимн в честь народа:

«Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры».

Горький доказывал приоритет устного народного творчества в «выдумке» совершенных художественных типов героев — таких, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор, доктор Фауст, Василиса Премудрая, оказавших свое влияние на создание крупнейших произведений книжной литературы. В процессе трудовой деятельности народ создает возвышенные понятия о красоте, эстетическом идеале, который находит свое выражение в искусстве. В статье «Разрушение личности» (1909 г.) Горький свою мысль об этом выразил в полемически заостренной форме: «Зевса создал народ, Фидий воплотил его в мрамор». Характерно: диалектика мысли Горького не была понята реакционными критиками. Они пытались извратить писателя. В архиве Горького сохранилась запись, воспроизводящая высказывание одного из таких критиков: «Если Фидий высекает из глыбы мрамора Зевса, то, по Горькому, он только шлифовщик, а творец тот «народ», те рабочие, которые выломали эту глыбу мрамора из горы». Горький с гневом отверг такой примитивный взгляд на взаимоотношение художественного творчества с опытом народа и тут же записал: «Творец — тот народ, который создал образ Зевса, — дубина!»

Суждения Горького о народности искусства отличались конкретной историчностью. Горький видел зависимость творчества художника от социальных условий. Его статьи «Заметки о мещанстве», «Разрушение личности», «О «карамазовщине» показывают, что Горький в принципиальных вопросах искусства придерживался ленинских взглядов, получивших выражение в статье «Партийная организация и партийная литература». Горький разоблачал декадентствующих писателей-«сверхчеловеков» и их эстетику как вывернутую наизнанку буржуазность. Он с гневом выступил против «литературы упадка» и считал ее позорным явлением в русской общественной жизни. Он больно и горько переживал разлагающее влияние «денежного мешка», подкупа на писателей, оказавшихся не в силах противостоять натиску реакции.

Горький видел классовую сущность показной «народности» в буржуазном обществе. Он осуждал антидемократизм буржуазных писателей, на фактах показывал, как реакционные идеи пагубно влияют на талант, суживают поле зрения художника, уводят его от правды жизни.

Горький знал, сколько неимоверных усилий, мужества и воли требуется от передового писателя в буржуазном обществе. Высоко ценя русскую литературу за то, что в ней «ярко горят умы великой красы и силы, сердца святой чистоты — умы и сердца истинных художников», Горький в то же время отмечал, какой дорогой ценой это было достигнуто. Он видел горькую правду в словах Добролюбова о непреодолимых преградах, возведенных самодержавием между передовым писателем и народом: «Массе народа чужды наши интересы, непонятны страдания, забавны восторги. Мы действуем и пишем в интересах кружка, более или менее значительного».

В этих словах содержится, по сути, та мысль, которая тревожила многих писателей и нашла четкое выражение в статье В. И. Ленина «Л. Н. Толстой». «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России,— писал Ленин.— Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием **всех**, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот».

ОКТЯБРЬСКАЯ революция внесла коренные изменения во взаимоотношения народа и искусства. Горький чутко улавливал новую диалектику развития искусства в условиях строительства социализма. Он не сразу находил новым явлениям точную словесную форму выражения, ошибался в определениях, но он заметил главную закономерность. Она заключалась в новых формах взаимосвязи искусства с революционной действительностью, в новой общественной функции художественного творчества. Впервые в истории создавались условия, обеспечивающие свободное взаимодействие между художественным творчеством и интересами народа, между стремлениями художника к идеалу и действительностью. Искусство начало развиваться в условиях, когда не стало препятствий в изображении нового, революционного, — оно побеждало в жизни. От художника требовалось теперь направить все усилия на изображение этого нового, его красоты, его силы, на раскрытие его превосходства, неминуемой его исторической победы, в борьбе со старым: «...никогда люди не отходили от своего прошлого, никогда не рвали прошлого и не отсекали его с такой силой, как это делается в наши дни, у нас», — говорил Горький. В условиях строительства социализма возрастает утверждающая, преобразующая роль искусства.

Горький эту роль искусства обосновывает и объясняет всесторонне. Он указывает на главную отличительную особенность социалистического искусства. Она заключается в том, что по сравнению с критическим реализмом социалистическое искусство в первую очередь носит утверждающий характер. Старый реализм расшатывал основы строя, задача же нового искусства — в утверждении социализма. Недаром Горький, говоря о новом искусстве, на первый план ставит вопрос о созидательном труде, о его преобразующей роли, выдвигая как главную задачу творчества — «отобразить в литературе героя — чудесного, небывалого даже в сказке», «поэтизировать его труд».

Новаторскую общественную роль социалистического искусства, возрастание его утверждающей и преобразующей идейно-эстетической силы Горький ставил в прямую зависимость от роста общественного сознания, от возросшей, с небывалой мощью проявившейся созидательной, творческой деятельности народа в стране социализма. Горький всесторонне раскрыл культурно-историческое значение того факта, что народ в Стране Советов из объекта истории превратился в субъекта истории, вырвался «из царства необходимости в царство свободы». Созидательный труд получил новую функцию. Народ не просто стал преобразовывать мир, строить новые фабрики и заводы — он начал преобразовывать самого себя, создавать новую этику, мораль, эстетику. «Несомненно,— отмечал Горький, — что одна из величайших, единственно великих идей — идея коммунизма — упала на какую-то чрезвычайно плодотворную почву». Труд все более и более превращается при социализме в свободную потребность. А так как, считает Горький, каждый человек по природе своей художник, то он не только работает, «воспроизводя свою сущность» по законам красоты, но и изменяет свою сущность, преобразует общественные отношения по законам красоты: он мыслит, чувствует по-новому, он должен вести себя везде и всюду, во всех жизненных перипетиях по законам красоты. При социализме сами понятия нравственности, этики получают новое **эстетическое** значение. В этом гениальный смысл горьковского положения: «Эстетика — этика будущего».

По Горькому, при социализме решается таким образом сложнейшая проблема — единства этического и эстетического, — которая не могла быть решена в досоциалистической формации. В эпоху социализма эстетический идеал становится формой общественного идеала и воплощается в жизнь усилиями миллионов. Роль народа не сводится к опосредствованному участию в создании духовных ценностей. Творя историю, он не только дает художнику жизненный материал, не только вооружает его возвышенными представлениями о прекрасном, совершая героические подвиги в труде и в бою, но непосредственно участвует в развитии искусства, выдвигая художников из своей среды. «...Нигде в прошлом, даже в эпохи величайших напряжений энергии, как, например, в эпоху Возрождения, количество талантов не росло с такой быстротой и в таком обилии, как растет оно у нас...». В Стране Советов создался новый тип писателя, у которого собственные стремления к истине, красоте находятся в гармоническом единстве с стремлениями и интересами народа. Это и создает условия для подлинной свободы творчества, для проявления таланта, вдохновения, открытия нового — для того подвига художника, который Горький сравнивал с подвигом революционера, ученого, пионера-первооткрывателя.

ОДНОВРЕМЕННО со свободой творчества Горький ставил вопрос об ответственности художника. Он видел диалектическую взаимосвязь этих категорий, отражающих степень исторической осознанности художником своего долга перед народом. Горький зло высмеивал индивидуализм и своеволие некоторых гениальничающих писателей, требующих для себя «полной свободы» творчества, и считал это требование проявлением пережитков буржуазного самосознания, противоречащих человеческой сущности и общественной природе искусства. Горький отмечал возрастающую ответственность художника перед историей и народом в эпоху социализма. Он неоднократно говорил, что советский художник должен быть достоин своих великих предшественников — классиков, обессмертивших свои имена славным подвигом — служением народу, красоте и истине. Советский писатель должен быть с «веком наравне» — «всеведущим», «всезнающим», «всесущим», видеть и глубоко понимать смысл происходящих гигантских изменений в современной жизни и отразить их в совершеннейших образах.

Горький требовал от молодой советской литературы чуткого внимания к росткам нового, к реальным фактам, свидетельствующим об «интеллектуальном цветении многих миллионов рабочего люда». Он остро ставил вопрос об отставании литературы, о неумении ее во весь рост показать нового человека, раскрыть богатство его внутреннего мира, высоту сознания. Он констатировал: «Наш реальный, живой герой, человек, творящий социалистическую культуру, много выше, крупнее героев наших повестей и романов». Горький ратовал за активное вторжение литературы в действительность и многое сделал для подъема творчества, выдвинув идею создания «Истории фабрик и заводов», «Истории гражданской войны в СССР», «Истории деревни». Он настойчиво указывал, что наша действительность монументальна и требует монументальных, синтетических форм обобщения.

Вопросы творчества Горький решал, учитывая всю их сложность, проникая в их суть, диалектически. Он был против приукрашивания действительности и считал, что суровая жизнь требует суровых красок, сурового, но вдохновенного реализма. В таком искусстве заинтересован новый, революционный класс. «Ложь — религия рабов...» «Советский читатель не нуждается в мишуре дешевеньких прикрас... Жизнь его исполнена эпической суровости и вполне достойна такого же эпически мощного отражения в литературе».

Советское искусство, революционное по самой своей сути, не боится правды, как не боялся ее Ленин, умевший видеть в сложных противоречиях рождение нового и представлять себе будущее в конкретно осязаемой форме: «...Мы живем в эпоху, глубоко, небывало, всесторонне драматическую, в эпоху напряженного драматизма процессов разрушения и созидания». Советский художник должен развивать в себе способность воспринимать жизнь в диалектическом развитии, умение смотреть на борьбу нового со старым «с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего. Эта высокая точка зрения должна и будет возбуждать тот гордый, радостный пафос, который придаст нашей литературе новый тон, поможет ей создать новые формы...»

Горький считал, что всякая односторонность, замкнутость сферы творчества на каком-то отдельном факте, вырванном из хода жизни и взаимосвязи, всякая «дурная тенденциозность» пагубно сказываются на творчестве.

ЧТО МОЖЕТ обеспечить художнику верный подход к действительности? Горький с полной ясностью отвечал на этот сложный вопрос: глубокая осознанность диалектики развития жизни с точки зрения марксизма. Марксизм как революционное миросозерцание отвечает творческим устремлениям писателя. Марксизм обобщает опыт пролетариата, его героическую созидательную, революционную работу, позволяет художнику увидеть характерное, типическое, показать жизнь в ее революционном изменении, в перспективе развития. Субъективные представления художника в таких случаях не расходятся с объективной правдой, они становятся формой отражения поступательного движения истории. Художественная правда сливается с правдой века, отражает красоту борьбы за возвышенные идеалы. Это и есть, по Горькому, настоящая революционная партийность — высшая мера прекрасного при определении долга художника, его заслуг в защите интересов народа, истины, прогресса. Вот почему Горький ратовал за высоту мировоззрения художника, за глубину интеллекта и богатство его социального опыта, связанного с опытом народа: «Чем шире социальный опыт литератора, тем выше его точка зрения, тем более широк его интеллектуальный кругозор, тем виднее ему, что с чем соприкасается на земле и каковы взаимодействия этих сближений, соприкосновений. Научный социализм создал для нас высочайшее интеллектуальное плоскогорье, с которого отчетливо видно прошлое и указан прямой и единственный путь в будущее, путь из «царства необходимости в царство свободы».

Горький неоднократно указывал, что партия осуществляет идеалы народа, воплощает в своей деятельности «разум истории». На митинге у сормовичей в 1928 году Горький говорил: «Я не партийный человек, не коммунист, но я не могу, по совести, не сказать вам, что партия — это действительно ваш мозг, ваша сила, действительно ваш вождь... какого у западного пролетариата—к сожалению и к его горю — еще нет». Партия вооружает народ ясной программой и подчиняет свою деятельность великой гуманной цели — созданию нового общества, основанного на принципах подлинной демократии, расцвета личности, свободы дарований.

В очерках «По Союзу Советов» Горький писал, что, наблюдая победу нового в Советском Союзе, он часто ощущал присутствие Ленина: «Его образ часто встает в памяти на богатой этой земле, где рабочий класс трудится, утверждая свое могущество». Дело Ленина — воля истории. «Да, что бы ни говорили враги Союза Советов, а его рабочий класс смело начал и хорошо продолжает «необходимейшее дело нашего века», как назвал Ромэн Роллан идею В. И. Ленина, воплощаемую в жизнь его учениками».

Как совершенно новое, невиданное в истории явление, своего рода феномен, отражающий существо социалистического строя, Горький отметил тот факт, что в Стране Советов — в силу гуманных и возвышенных целей партии — органически совпадают, находятся в гармоническом единстве интересы партии, интересы народа и интересы художника. В статье «О социалистическом реализме» (1933 г.) он писал: «Мы живем в счастливой стране... У нас любовь к человеку должна возникнуть — и возникнет — из чувства удивления пред его творческой энергией, из взаимного уважения людей к их безграничной трудовой коллективной силе, создающей социалистические формы жизни, из любви к партии, которая является вождем трудового народа всей страны и учителем пролетариев всех стран».

Горькому были близки ленинские идеи Коммунистической партии. Он видел, как многое делается в Стране Советов для сохранения культурного наследия и развития советской литературы. Горький одобрительно отозвался о Резолюции ЦК РКП(б) 1925 года «О политике партии в области художественной литературы» и отметил ее важное историческое значение. Он считал, что резолюция эта принята своевременно и «сильно толкнет вперед русское художественное творчество».

Хорошо известно, сколько сил, энергии, воли и настойчивости отдал Горький для претворения в жизнь задач, определенных Постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932 г.), для создания Союза писателей. Он был вдохновителем Первого съезда писателей, он считал величайшей заслугой съезда соединение писателей на единой идейной платформе, он гордился тем, что советская литература предстала на съезде как всесоюзная, многонациональная, развивающаяся в русле социалистического реализма. Величайшее значение Первого съезда заключается, по мнению Горького, в победе идей большевизма — «коренного преобразователя мира и предвестника грозных событий во всем мире». Горький отмечал плодотворное значение для работы писателя «основной, организующей идеи». Народность и партийность, глубокая осознанность писателем своего долга перед историей — вот что определяет направление творчества советского писателя, придает смысл свободному проявлению его таланта, стремлению к прекрасному.

Многие писатели, говорил Горький, «признали большевизм единственной боевой руководящей идеей в творчестве, в живописи словом... беспартийные не плохо научились думать у пролетариата». В связи с этой диалектикой соединения творческих устремлений писателей с идеями партии и народа Горький отметил новое, исторически обусловленное изменение и в самом понятии «советский писатель»: «...отныне понятие «беспартийный литератор» останется только формальным понятием, внутренне же каждый из нас почувствует себя действительным членом ленинской партии...»

Мудрые мысли Горького были устремлены в будущее. Горький увидел главное: успех развития советской литературы обеспечивается теснейшей связью художественного творчества с созидающей деятельностью народа и партии.

И. Л. СЕЛЬВИНСКИЙ

Умер Илья Львович Сельвинский.

Перестало биться сердце выдающегося поэта и драматурга, одного из заслуженных мастеров советской литературы старшего поколения. Поэт-коммунист, Илья Львович Сельвинский был прочно связан со всей жизнью нашей страны: юношей воевал он в рядах красных партизан в Крыму, в годы Великой Отечественной войны становится газетчиком-фронтовиком, как спецкор «Правды» принимает участие в героическом походе «Челюскина».

И в своей поэтической деятельности Илья Сельвинский был такой же борец и исследователь. Его неустанные искания в области драматической поэзии обогатили советскую литературу. В трилогии «Россия», в трагедиях «Бабек» и «Рыцарь Иоанн» Илья Сельвинский дал яркие поэтические картины из прошлого России и нарисовал образы вождей за счастье трудового народа, выразителей самых заветных народных чаяний.

Яркая творческая индивидуальность Ильи Сельвинского проявлялась во всех его произведениях — от маленького четырнадцатистрочного сонета до эпопеи «Арктика».

Не останутся бесследными для русской поэзии и работы И. Сельвинского в области теории литературы.

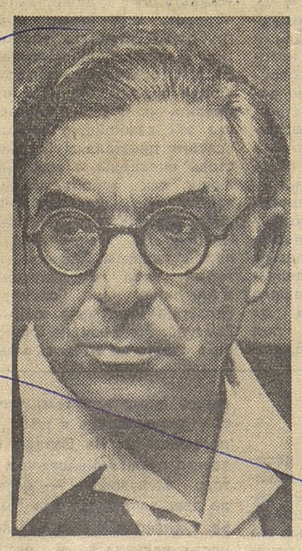
Немало было сделано И. Л. Сельвинским и для воспитания творческой молодежи.

За свою литературную деятельность Илья Львович Сельвинский был удостоен трех орденов Трудового Красного Знамени, за боевые заслуги он был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени.

Памятник Илье Сельвинскому — это многие тома его партийных книжек, это созданные им образы борцов-коммунистов Георгия Гая, командарма Чуба, Арсена Кавалеридзе, Кирилла Чохова, это страстные лирические строки, которые навсегда связали имя Ильи Сельвинского с советской литературой.

Память о нем как о человеке, писателе и коммунисте навсегда останется в наших сердцах примером безраздельного служения родному народу.

Правление Союза писателей СССР.
Правление Союза писателей РСФСР.
Правление Московской писательской организации СП РСФСР.



ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Имя Ильи Сельвинского в траурной рамке — это как-то неправдоподобно, неестественно. Почти полвека это созвучие — Илья Сельвинский — вызывало представление о неутомимой деятельности атлетического таланта, сумевшего подчинить себе все возможности поэтического творчества. Присутствие Ильи Сельвинского в современной нашей поэзии, в нашей жизни, в нашем веке казалось таким же постоянным и неизменным, как полуостров, на котором он вырос и написал свои первые строки. Поэт и человек, исполненный неповторимого своеобразия, Илья Сельвинский неотрываем от нашего времени, а само время, закрепленное в его произведениях, говорит с нами голосами его поэтических героев. Его появление в поэзии поразило моих старших товарищей. Маяковский взял у него тогда «Улялаевщину» для журнала «Леф», главы этой поэмы наизусть читал Асеев. Пастернак говорил, что завидует Сельвинскому. И нельзя было не завидовать той щедрости, с какой Сельвинский дарил нам каждый раз новое и небывалое. Мне пришлось в 1935 году выступать вместе с ним в Праге и Париже, и я помню бурные овации, удивление ошеломленной публики, впервые услышавшей такой голос, такие стихи, такого поэта. Я видел его в гимнастерке с фронтовыми погонами, с пистолетом «ТТ» на поясе и с боевыми орденами над карманом с вечным пером. И видел его просто так, за разговором, всегда доброжелательного и внимательного к тому, как живешь ты, что написал ты, и не жалеющего хороших слов, если услышал что-нибудь стоящее. Было время жестоких дискуссий, деклараций, упрямых споров, но они не охлаждали взаимно добрых отношений. Илья Сельвинский был неизменно уважаем всеми поколениями поэтов, которые возникали при нем. И было за что уважать — он знал цену поэтического слова, а многосторонность и универсальность его творчества долго будут удивлять и восхищать всех, кому необходима поэзия. Когда будет объединено собранием все созданное Сельвинским (а это вскоре будет), мы узнаем поэта еще большего, чем знали. Мы увидим панораму многочисленных и разнообразных поэтических открытий, жанров и форм поэзии, образов и впечатлений, сюжетов и героев, дней и эпох, панораму, сверкающую калейдоскопичностью, стройную в своей цельности, отражающую и нашу жизнь, и жизнь самого поэта.

Траурная рамка возвращает нас к печальной реальности, но волшебная особенность поэзии в том, что она оставляет поэту жизнь в его творениях, что она сохраняет его личность живой и нетускнеющей. Мы потеряли нашего товарища, но поэт не потерян и никогда потерян не будет.

Семен КИРСАНОВ

***

Умер Илья Львович Сельвинский — большой поэт, один из зачинателей советской поэзии, принципиальный, взыскательный мастер слова, человек огромной эрудиции, высоких нравственных принципов.

Наша творческая и личная дружба с ним насчитывает более трех десятилетий. Это был смелый, мужественный человек — я знал его и в дни Великой Отечественной войны, мы вместе работали в крымской фронтовой газете.

Сельвинский был неутомимым тружеником драматургического цеха нашей литературы, создал великолепные образцы советской трагедии. Среди них мне, азербайджанцу, особенно дорога его пьеса «Орла на плече носящий», где в звонких «сельвинских» чеканных стихах повествуется о героических подвигах азербайджанского народного героя Бабека.

Трудно, очень трудно говорить об Илье Сельвинском, прекрасном друге, человеке атлетического сложения, неисчерпаемой жизнерадостности, что он БЫЛ — был замечательным поэтом, гражданином, отдавшим свой незаурядный талант делу борьбы за человека, за народ.

Хочется сказать, что Илья Сельвинский — ЕСТЬ, он в наших рядах, еще долгие годы БУДЕТ самоотверженно сражаться за счастье человека на земле.

Расул РЗА,
народный поэт
Азербайджана

***

Умер Поэт.

Сельвинский провел всю свою жизнь на переднем крае. Это была жизнь, назначенная к бою. Его поэзия, он сам были насыщены борьбой за коммунизм. Вместе с Сельвинским уходит в прошлое целое поколение людей эпохи, когда закладывались основы нового общества. Вечное клокотание. Неутомимый поиск. Его уже нет. Прощай, друг!

Корнелий ЗЕЛИНСКИЙ